

Эссе о тумане и вдохновении.

Дата последней корректировки: февр.98

Когда много лет назад я впервые читал сборник "Камень" Осипа Эмильевича Мандельштама, меня зацепило обилие в текстах этой книги слов, семантически связанных с образом тумана, мути или омота. Я позволил себе проделать нехитрый подсчет, и в 68 стихотворениях, вошедших в книгу избранных стихотворений О. Мандельштама, изданную в Большой серии Библиотеки Поэта, насчитал 13 "туманных" текстов.

Можно предположить, что мы имеем дело с некоторым устойчивым комплексом психических состояний, связанных с названной семой и реализованных в сборнике. И если эта догадка верна, то комплекс этот был сущностен для поэта, и вероятно мог проявиться и в других семантических рядах, воплощенных в стихотворениях сборника и образующих конгломерат с "туманными" стихами.

Но что за состояния связаны с семой ТУМАНА в сборнике "Камень"?

Я попытаюсь здесь, нет, не ответить на этот вопрос, но может быть, как сказал бы Томас Вулф, выстрелить в направлении ответа.

Но сначала мне хотелось бы сказать несколько слов о своем подходе к анализу и к тексту, просто, чтобы снять вопросы, которые возможно возникнут у читателя.

1. Стихотворение есть законченный и совершенный космос, живой организм со своей системой крово- нет, семо- обращения, в котором нет ничего лишнего и ненужного и все взаимосвязано мириадами семантических и ассоциативных связей, а значит принципиально не познаваемо до конца.

2. Все необходимое для восприятия текста есть в самом этом тексте.

3. Лингвистическим основанием разбора, примененного в статье, стала концепция слова и семы, показанная В.И. Налимовым в книге "Вероятностная модель языка", суть которой вкратце сводится к следующему:

- план выражения слова рассматривается как звуковой идентификатор некоторого поля значений.

- в поле значений данного слова входят все значения слова, принципиально реализуемы во фразе. Реализуемое во фразе значение слова назовем семой.

- поле значений существенно континуально.

- во фразе реализуется общая для всех слов фразы часть поля значения каждого из этих слов.

- семантическим рядом слов назовем слова, насыщенные данной семой.

4. Концепция анализа стихотворений с помощью метода выделения семантических рядов была разработана и показана мною в книге "Реальность мифа".

Но приступим же к анализу.

Мы начнем его со стихотворения, которое почти сплошь состоит из тумана.

*Образ твой, мучительный и зыбкий,
Я не мог в тумане осязть.
"Господи!",-сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.*

*Божье имя, как большая птица,
Вылетело из моей груди...
Впереди густой туман клубится,
И пустая клетка позади.*

В двух четверостишиях слово ТУМАН повторено дважды. Я не буду разбирать этот текст подробно, пусть читатель запомнит, что в модели мира, представленной в приведенном тексте, туман мешает осязть Бога. А после утраты Бога, кроме тумана и пустой клетки вообще ничего не остается. Или иными словами, туман заполняет лишенный Бога мир.

Теперь, помня это, перейдем к собственно разбору едва ли не самого сложного и насыщенного мыслью стихотворения сборника "Камень".

*Отравлен хлеб и воздух выпит.
Как трудно раны врачевать!
Иосиф, проданный в Египет
не мог сильнее тосковать.*

*Под звездным небом бедуины,
Закрыв глаза и на коне,
Слагают вольные былины
О смутно пережитом дне.*

*Не много надо для наитий:
Кто потерял от стрел колчан,
кто выменял коня, - событий
Рассеивается туман.*

*Но если подлинно поется,
И полной грудью, наконец,
Все исчезает. Остается
Пространство, воздух и певец.*

В этом стихотворении речь идет о творчестве. Но какая связь между первой строфой и остальными? Какое отношение Иосиф и врачевание ран имеют к бедуинам? Быть может, мой анализ прояснит это.

Отравлен хлеб и воздух выпит

Оба образа, открывающих стихотворение, в высокой степени насыщены семами смерти, убийства и его неестественности: и хлебу и воздуху свойственно поддерживать жизнь, а не отнимать ее. Кроме того "воздух выпит" вообще противоестественное состояние, ведь вакуум свойствен лишь космосу, как один из элементов пустоты.

Как трудно раны врачевать

Эта строка - жалоба. Трудно врачевать раны, а значит и неестественно, для того, кто жалуется, несовместимо или с трудом совместимо с его природой.

Иосиф, проданный в Египет,
Не мог сильнее тосковать

И эта строка насыщена наряду с семой чуждости, несвободы, семой неестественности: не место Иосифу в Египте, не естественно ему быть там. Но с ощущением неестественности связывается прямо названное Мандельштамом психическое состояние тоски. И это состояние окрашивает все семы, выделенные выше.

Задержимся ненадолго на этом комплексе сем.

Вот он:

1. смерть
2. пустота
3. чуждость
4. несвобода
5. неестественность
6. тоска

И если мы внимательно взглянем в этот список, то увидим, что все перечисленные семы на самом деле входят в сему неестественности, как частные составляющие.

Я буду впредь называть весь выделенный выше комплекс - комплексом неестественности, а мир, связанный с этим комплексом - миром неестественности.

Комплекс неестественности окрашен ощущением тоски. Запомним же это.

Под звездным небом бедуины,
закрыв глаза и на коне

А эти строки инверсионно симметричны предшествующим. Они насыщены семами свободы, простора, естественности. Бедуины отдаются естественному ходу событий и перемещаются, закрыв глаза. Так движется щепка, влекомая водным потоком в даосских притчах.

Слагают вольные былины

И эти слова насыщены семами свободы и естественности.

О смутно пережитом дне

Строка вызывает поток ассоциаций. Смутно пережитый день? День, не отличающийся от всех прочих? День, в который ничего не произошло? А может быть, дело не в особенностях дня, а в особенностях сознания бедуинов, не отделяющих себя от пространства и не осознающих течения времени, а значит, живущих в вечности?

Текст не дает ответа. И все же, ключ у нас в руках, по крайней мере, так обстоит дело в нашей модели.

Как близки по смыслу слова *смутно* и *туман*...

А в приведенном выше стихотворении про Божье Имя, туман связывался с отсутствием Бога. Ах, как это знание высвечивает разбираемый текст! Смутно пережитый день превращается в день, прожитый без Бога, прожитый, как живет муравей, не знающий, что есть свет, вера и творчество.

Немного надо для наитий.
Кто потерял от стрел колчан,
кто выменял коня...

Перед нами перечень ничтожных, никчемных событий, мало чем отличающихся от находки зерна петухом... Событий, необычайно важных, для едущих на коне, закрыв глаза...

Бросим Набоковскую блошку, приведем забавный для нас отрывок из другого стихотворения Манделштама того же периода:

...На стекла вечности уже легло
мое дыхание, мое тепло.
Пускай мгновения стекает *муть*,
узора милого не зачеркнуть...

Муть ассоциируется здесь с мгновением, не просто противопоставленным вечности, но и враждебным ей.

Мгновение суетно.

Но мы уже встречали ранее туман, враждебный Богу.

...событий
рассеивается туман

Мощное подтверждение того, что направление выбрано верно. Туман и в данном тексте связан с ничтожными, лишенными духовности событиями.

Но их, событий этих, оказывается достаточно, чтобы вызвать творческое наитие. Кажется, Сартр писал, что стоит лишь начать рассказывать о вещи, как она одухотворяется актом рассказа.

Чжуан Цзы был одним из многих, считавших, что вещи нет, пока ее не назовешь (пока не расскажешь о ней?).

Чтобы победить злого духа, надо правильно назвать его имя, и этот мотив зафиксирован во многих архаических и фольклорных традициях.

Но рассеивание (исчезновение) тумана событий не есть ли обретение Божьего имени?

Ведь утрата имени Бога привела, как мы видели, к тому, что мир был затоплен туманом

(впереди густой туман клубится, и пустая клетка позади).

Итак, подведем итоги.

-Свобода,

-пространство,

-естественность,

-нерасчлененность,

-незнание Бога,

-ничтожность.

Вот комплекс сем, связанных с миром бедуинов до творческого озарения. Но этот мир легко, как только начинается творческий акт, переходит в другое состояние. А для наития же в мире бедуинов нужно, как мы прочитали, немного.

И если подлинно поется,
и полной грудью, наконец

Опять тема свободы, естественности. Но почему же, прочтя "полной грудью", мы вспоминаем, что "воздух выпит"?

К кому относится слово "наконец", к бедуинам? Но оно предполагает усилие, которое надо сделать, чтобы в конце-концов добиться состояния, когда поется полной грудью. А бедуинам для наития нужно немного. Нет, непохоже, что это о них.

Вернемся, друзья мои, к первой строфе, где мы сталкивались уже с темой усилия в строчке

"как трудно раны врачевать".

Да, в моей модели это Манделштам говорит не о бедуинах, а о себе. Это он уподобляет творчество невыносимому труду врачевания ран, существованию в вывернутом мире выпитого воздуха и отравленного хлеба.

Мире, через который, надо пройти, чтобы суметь запеть полной грудью.

И что случится тогда?

Все исчезает. Остается
пространство, звезды и певец.

После того, как все исчезает, остается пустое пространство, звезды и певец. Но есть нечто, не дающее мне покоя. И это - пустота, открывающаяся поэту в этом состоянии. Ведь я уже наткнулся на тему пустоты в разборе, друзья мои. Я говорил о ней, в связи с выпитым воздухом, безвоздушным убивающим вакуумом. В моей модели первая строфа описывает отношение Манделштама к промежуточному творческому состоянию до озарения, до "пения полной грудью".

Последняя строфа описывает уже состояние достигнутого ценой огромного напряжения озарения, когда все исчезает и поется именно полной грудью. Но и то, и другое состояния СВЯЗАНЫ С ОЩУЩЕНИЕМ ПУСТОТЫ!

Разница - в отношении к ней. В первой строфе она ощущается, как противоестественная среда, окрашена темой тоски, чуждости. В последней же строфе следов такого отношения уже нет. Поэт ощущает себя частью открывшегося ему вечного пространства, очищенного от ... ну, скажем, тумана.

Отношению к теме творчества и переживанию этой темы посвящено не одно стихотворение сборника "Камень". Я бы даже сказал, что выделенный нами комплекс тем - один из главных в сборнике, и, видимо, в духовной жизни О. Мандельштама тех лет.

Болезненные отношения поэта к озарению прослеживается четко, но только в разобранным стихотворении мы видим эту двойственность в рамках одного текста.

Рассмотрим еще несколько стихотворений, чтобы проиллюстрировать сухие выкладки:

*Я вздрагиваю от холода,
мне хочется онеметь.
А в небе танцует золото,
приказывает мне петь.*

*Томись, музыкант встревоженный,
люби, вспоминай и плачь,
и с тусклой планеты брошенный
подхватывай легкий мяч.*

*Так вот она настоящая
с таинственным миром связь...
Какая тоска щемящая,
какая беда стряслась!*

*Что, если, вздрогнув неправильно,
мерцающая всегда,
своей булавкой заржавленной
достанет меня звезда?*

И в этом стихотворении речь идет о творчестве, о связи с таинственным миром. Но творческий акт, описанный здесь, вызывает зябкую дрожь. И очень напоминает первую строфу разобранным выше стихотворения о бедуинах. Конечно, добавляются и новые оттенки: поэт здесь выступает, как марионетка каких-то высших (звездных) сил, вынужденная творить против своего желания, замороженно внимая танцующему золоту в холодном звездном мире, причем танец этот внушает ему тоску, боль и страх. Противоестественность происходящего выражена здесь четче и сильнее, чем в разобранным ранее стихе. Мандельштам прямо говорит об этом, безо всяких метафор: так вот она, настоящая с таинственным миром связь. Какая тоска щемящая, какая беда стряслась! Это с ним стряслась беда, с ним, поэтом, избранным звездными силами против его, поэта, воли. Это его, поэта, вырвали из милого его сердцу тумана, и глазам его открылся холодный страшный мир заржавленных звездных булавок, золотого танца и ... пустоты. Стихотворение буквально пронизывает идея воздействия на поэта внешних ритмов: танец золота, ритмичная дрожь звезд, ритмичное бросание мяча, - все вызывает в памяти ритм ритуального шаманского бубна. И ощущение поэта похоже на ощущения шамана, избранного к служению, но не желающего этого (здесь я отсылаю читателя к материалам, например, Проппа и его "Историческим корням волшебной сказки").

*Целый день сырой осенний воздух
я вдыхал в смятенье и тоске.
Я хочу поужинать, и звезды
золотые в темном кошельке.*

*И, дрожа от желтого тумана,
я спустился в маленький подвал.
Я нигде такого ресторана
и такого сброда не видал.*

*Мелкие чиновники, японцы,
теоретики чуждой казны...
за прилавком щупает червонцы
человек, и все они пьяны.*

*"Будьте так любезны, разменяйте, -
убедительно его прошу. -
только мне бумажек не давайте,
трехрублевок я не выношу!"*

*Что мне делать с пьяною оравой?
Как попал сюда я, Боже мой?
Если я на то имею право,
разменяйте мне мой золотой.*

Связь золотых в этом стихотворении Мандельштама с танцующим в небе золотом из стихотворения предыдущего в моей модели несомненна. Однако отношение поэта к звездам уже иное. Теперь естественным ему кажется уже не связь с таинственным миром, но обитатели ресторана, ничтожные, бездуховные, и мир, заполненный желтым туманом, который вызывает у поэта дрожь.

Природа поэта амбивалентна, два мира борются друг с другом в его душе, требуется сделать выбор между ними. И Мандельштам делает его, друзья мои, он выбирает ПУСТОТУ, и выбор этот, выбор странного мира пустоты определит всю дальнейшую жизнь и творческий путь моего любимого поэта.

*Слух чуткий парус напрягает,
Расширенный пустеет взор,
и тишину переплывает
полночных птиц нездеиный хор.*

*Я так же беден, как природа,
и так же прост, как небеса,
и призрачна моя свобода,
как птиц полночных голоса.*

*Я вижу месяц бездыханный,
и небо, мертвенней холста...
Твой мир, болезненный и странный,
я принимаю, пустота.*

Бездыханный месяц, мертвенное небо... Но мы помним, помним другое стихотворение, в котором был отравлен хлеб и воздух выпит. Поэт принимает свой высокий жребий врачевателя ран, несмотря на противоестественность и болезненность выбора. О невозможность оставаться в удобном и обжитом мире тумана!

*...Небо тусклое с ответом странным,
мировая туманная боль.
О позволь мне быть также туманным,
и тебя не любить мне позволь...*

Собственно говоря, друзья мои, здесь можно было бы поставить точку. Если бы не одно НО. Как же быть с семьей свободы и естественности, связанной с вдохновением бедуинов?

Известно, что бедуины в средние века считались лучшими поэтами арабского мира. Каждый бедуин был поэтом, и связь этого племени с поэзией, была столь несомненной, что на протяжении столетий образование арабского поэта считалось неполным, пока он не проходил у них что-то вроде стажировки. Даже выдающийся арабский поэт Абу Нувас, поэт, если использовать наши мерки, масштаба Пушкина, уже будучи известным, провел среди бедуинов несколько месяцев, того требовала традиция. Причем от времени Абу Нуваса в истории не осталось имен бедуинских поэтов, их поэзия была безымянной. Были знаменитые поэты -Абуль Атахия, Абу Нувас, и были бедуины. И наития посещали бедуинов легко, а вдохновение снисходило на них свободно и радостно, и рефлексии и муки Мандельштама не были ведомы им.

И вот здесь, теперь, я поставлю точку с легким и чистым сердцем.

*Апрель 1986, февраль 1998
Аркадий Бурштейн*